

О КОЛИЧЕСТВЕ ЗЕМЛИ, ПОЛУЧЕННОЙ КРЕСТЬЯНАМИ БЕЛОРУССИИ И ЛИТВЫ ПРИ ОТМЕНЕ КРЕПОСТНОГО ПРАВА

Н. Н. УЛАЩИК

В буржуазной, а затем и советской историографии утвердилось мнение, что крестьяне Белоруссии и Литвы при отмене крепостного права получили большие прирезки. Едва ли не первым автором, пришедшим к такому заключению, был Ю. Э. Янсон¹, выводы которого повторил А. А. Корнилов². Правда, в 1911 г. В. И. Анисимов высказал предположение (приведя предварительно данные о росте крестьянских земель в результате проведения реформы), что в сущности никакого прироста не было, потому что крестьянам возвратили (да и то не полностью) лишь те земли, которые у них были ранее отобраны помещиками³. Однако это предположение, хотя его никто и не опровергнул, не было принято, и в работах, посвященных отмене крепостного права, по-прежнему говорится, что крестьяне Белоруссии и Литвы после 1863 г. получили земли больше, чем имели ее при крепостном праве.

Советские историки П. А. Зайончковский⁴ и М. Б. Фридман⁵, ссылаясь на исследование Д. Рихтера⁶, утверждают, что в результате проведения реформы 1861 г. количество земли у крестьян, по сравнению с тем, что у них было перед 1861 г., увеличилось в Виленской губернии на 16%, в Гродненской — на 12%, в Минской — на 41%, в Ковенской — на 19% и в Витебской — на 17%. В работе П. И. Лященко не приводятся данные по разным губерниям, но сказано, что в «Литве и северной части Белоруссии крестьянские наделы увеличились против прежних местами на 50—70%»⁷.

И лишь совсем недавно Л. Мулявичюс в отношении Литвы⁸ и В. Ми-

¹ Ю. Э. Янсон. Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах, СПб., 1877, стр. 104.

² А. А. Корнилов. Крестьянская реформа, СПб., 1905, стр. 186.

³ В. И. Анисимов. Наделы. «Великая реформа», т. VI, М., 1911, стр. 92—96.

⁴ П. А. Зайончковский. Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г., М., 1958, стр. 391.

⁵ М. Б. Фридман. Отмена крепостного права в Белоруссии, Минск, 1958, стр. 168, 169. У М. Б. Фридмана данные по Ковенской губернии нет.

⁶ Д. Рихтер. Материалы по вопросу о земельном наделе бывших помещичьих крестьян и о сервитутах в Юго- и Северо-Западных губерниях. «Вестник финансов, торговли и промышленности», 1900, № 39, стр. 601, графа 18. По Витебской губернии у Д. Рихтера приведены данные только по 4 западным уездам.

⁷ П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР, т. 1, М., 1956, стр. 587. У Д. Рихтера прирост в 50—70% показан не в северной Белоруссии и Литве, а в Полесских уездах Минской, т. е. в южной Белоруссии, в результате сравнения количества земли, выделенной крестьянами по уставным грамотам и по выкупным актам. Об этом см. ниже.

⁸ L. Mulevičius: Lietuvos bežemių klausimas 1861 m. vaistiečių reformos įgyvendinimo metu. Lietuvos TSR Mokslu Akademijos Darbai, serija A, 2(9), 1960.

лованов (в газетной статье) в отношении Белоруссии⁹ высказались, что после реформы у крестьян оказалось земли меньше, чем ее было во время крепостного права. По мнению Милованова, по одному из его вариантов, количество земли сократилось в целом по Белоруссии на 10,9%, а по второму — по Витебской губернии — на 22,5%, по Могилевской — на 20,8%, по Минской — на 14,5% и по Гродненской на 23,7%.

Какое же из этих мнений правильное?

По местному Положению для губерний Виленской, Гродненской, Ковенской, Минской и части Витебской бывшие крепостные должны были получить ту землю, которая находилась в их пользовании во время крепостного права, причем в некоторых случаях у крестьян разрешалось изъять часть земли¹⁰. Следовательно, в основном законе 19 февраля 1861 г. говорится не о прибавке крестьянам земли, а о возможности отрезков, причем это касалось земли, которая находилась у крестьян в момент издания Положения. Но перед отменой крепостного права, и в частности после издания рескрипта 20 ноября 1857 г. на имя виленского генерал-губернатора В. И. Назимова, помещики отобрали у крестьян огромное количество земли. Особенно массовыми были захваты в Ковенской губернии, где земля ценилась всего дороже¹¹. Об этой земле, отобранной помещиками даже в последние дни существования крепостного права, Положение вообще не упоминает: она числилась уже безусловно помещичьей. Значит, закон 19 февраля 1861 г. закрепил за помещиками всю землю, которую они успели отобрать у крестьян к моменту издания Положения, дав при этом право отрезать и часть той, которая у крестьян осталась.

При составлении уставных грамот помещики пытались отобрать еще некоторую часть наделов, но встретили упорное сопротивление крестьян, которые массами отказывались подписывать грамоты.

Так продолжалось до начала восстания 1863 г., заставившего правительство в районах, охваченных восстанием, изменить свою политику. Опасаясь, чтобы масса крестьян, недовольных условиями реформы, не примкнула к восстанию, правительство, решив несколько улучшить их положение, сделало демагогический шаг. Указом 1 марта 1863 г. обязательные отношения крестьян к помещикам в губерниях Виленской, Гродненской, Ковенской, Минской и части Витебской прекращались, и с 1 мая того же года бывшие крепостные превращались в крестьян собственников, причем выкупные платежи снижались на 20%¹². Однако скоро выяснилось, что этого недостаточно, и тогда виленский генерал-

⁹ В. Милавананау. Стары міф і новыя памылкі. «Звязда», 2 апреля 1961 г., № 79.

¹⁰ «Положение 19 февраля 1861 г. о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости», М., 1916, стр. 320, § 3. Положение разрешало отобрать те земли, которыми крестьяне пользовались до введения обязательных инвентарей временно, сверх постоянного надела, и за которую они платили денежную или продуктовую ренту (§ 4), а также и земли, отданные крестьянам в оброчное пользование после введения инвентарей (§ 5, 30). Кроме того, если у помещика оказывалось менее $\frac{1}{3}$ общего количества удобной земли имения, то он имел право отрезать у крестьян и часть той, которая находилась у них в постоянном пользовании (§ 6, 31), однако с условием, что у крестьян будет отрезано не больше $\frac{1}{6}$ земли, выделенной в их пользование (§ 9).

¹¹ О захватах земли помещиками у крестьян начиная с 1854 г., т. е. с периода, когда определилась неудача правительства при попытке ввести в Белоруссии и Литве новые инвентарные правила, устанавливавшие неотчуждаемость крестьянских земель, см. С. А. Лазутка. О воспроизводстве феодального хозяйства и разорении крестьян Литвы накануне восстания 1863—1864 гг. «Вопросы истории», 1958, № 8, стр. 114—125. О том, какой размах приняло изъятие земли у крестьян в первые недели после издания рескрипта 20 ноября 1857 г., см. Н. Н. Улащик. Из истории рескрипта 20 ноября 1857 г. («Исторические записки», т. 28, стр. 179—180). Опыт определения количества земли, захваченной помещиками у крестьян перед отменой крепостного права, сделан нами на основании изменения количества посевов помещиков и крестьян. См. Н. Н. Улащик. Обезземельвание крестьян Литвы и Западной Белоруссии накануне отмены крепостного права. «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.», М., 1960, стр. 49—61.

¹² ПСЗ, II, т. XXXVIII, № 39337.

губернатор М. Н. Муравьев издал несколько циркулярных распоряжений, по которым отобранные у крестьян земли, возвращались им обратно. По циркуляру 17 августа 1863 г. крестьяне, у которых помещики отобрали землю перед отменой крепостного права (с 1846 г.), получили по 3 десятины земли¹³. Этот циркуляр, возвращавший только незначительное количество земель, тоже не удовлетворил крестьян, тем более, что в нем ничего не говорилось о массе безземельных, не имевших земли и до 1846 г., а между тем безземельные как раз и принимали самое активное участие в восстании. Поэтому 18 октября 1863 г. Муравьев издал новый закон, по которому три десятины получали только те, у кого земля была изъята в 1846—1856 гг., тем же, кто лишился ее начиная с 1857 г. давались наделы «равные с остальными крестьянами»¹⁴. Таким образом, по циркуляру 18 октября крестьянам должны были отдать не их прежние наделы, но выделить участки, равные средним наделам для той местности, причем права крестьян на участок устанавливались после строгой проверки¹⁵. Что касается обезземеленных в 1846—1856 гг., то они получали каждый приблизительно на 10—12 десятин меньше, чем имели ранее, так как в среднем в Западной Белоруссии и Литве крестьянский участок равнялся 12—15 десятинам. При таких условиях крестьяне в целом должны были получить земли несколько меньше того, что они имели в 1846 г., но никак не больше. Правда, 11 июня 1863 г. Муравьев распорядился передать в пользование крестьянских обществ для наделения безземельных участки шляхтичей и однодворцев, живших в этих обществах и примкнувших к восстанию¹⁶. Следовательно, землю должны были получить не только те, кто имел ее до 1846 г., но и некоторые из не имевших. По свидетельству А. Миловидова, для наделения безземельных пошла также часть земель, конфискованных у помещиков¹⁷.

Откуда же в таком случае взялись прирезки и притом такие значительные? Ведь для этого нужно было или чтобы чиновники, проводившие реформу, нарезали крестьянам земли больше, чем полагалось по закону¹⁸, или же, чтобы помещики, учитывая, что крестьяне должны платить за землю дороже, чем она стоила, сами выделили им больше.

Поскольку все расчеты советских историков о количестве земли, полученной крестьянами после отмены крепостного права, основаны на работе Д. Рихтера, обратимся к этому исследованию. В своей статье Д. Рихтер касается Правобережной Украины и тех литовско-белорусских губерний, на которые распространялось действие местного Положения для четырех губерний, но не затрагивает ни Могилевской губернии, ни белорусских уездов Витебской, в которых реформа проводилась на основании местного Положения для губерний великороссийских.

¹³ «Сборник правительственных распоряжений по устройству быта крестьян-собственников в Северо-Западном крае», Вильна, 1864, стр. 64—66.

¹⁴ «Сборник правительственных распоряжений по устройству быта крестьян-собственников в Северо-Западном крае», стр. 76—80.

¹⁵ А. Миловидов. Батраки и кутники Северо-Западного края. «Русский вестник», 1905, № 8, стр. 508.

¹⁶ «Сборник правительственных распоряжений по устройству быта крестьян-собственников в Северо-Западном крае», стр. 34—36.

¹⁷ А. Миловидов. Указ. соч., стр. 508.

¹⁸ Бронислав Залеский, автор первой работы, посвященной отмене крепостного права в Белоруссии и Литве, утверждает, что после издания циркуляров Муравьева лицам, проводившим реформу, было дано лишь одно указание: «уничтожать везде помещичью собственность и угождать во всем крестьянам», крестьянам же «стоило выразить какое-либо желание, чтобы оно тотчас было выполнено». Bronislaw Zaleski. Zniesienie poddanstwa no Litwie. Rocznik Towarzystwa Historyczno-Litegaskiego w Paryżu, Paryż, 1868, стр. 374. Эти утверждения были настолько нелепы, что хотя в течение целых десятилетий работа Залесского была единственной, посвященной вопросу отмены крепостного права в Белоруссии и Литве, другие авторы, даже из шляхетского лагеря, много заимствовавшие из работы Залесского, не рискнули принять эти положения.

новороссийских и белорусских. Поэтому и мы коснемся только Литвы, западной и центральной Белоруссии, оставив в стороне восточную Белоруссию.

Работа Рихтера состоит из краткого введения, в котором он излагает задачу своего труда и метод исследования, и таблиц. Во введении автор говорит, что он стремился осветить три вопроса: количество земли, полученной бывшими помещичьими крестьянами, размер и характер прав крестьян на пользование сервитутами и, наконец, «отношение платежей, лежавших на земле за право пользования ею при крепостном праве к установленным выкупным платежам после получения крестьянами надела»¹⁹. Введение очень кратко и служит преимущественно для пояснения заголовков таблиц, сущность же работы заключается в таблицах.

Таблицы Рихтера, содержащие 49 граф, чрезвычайно содержательны, но вместе с тем без предварительного знакомства с вводной статьей местами непонятны. Таблицы составлены на основе выкупных актов и уставных грамот, т. е. источников, обладающих высокой степенью достоверности. В том же случае, если выкупных актов по отдельным имениям не было, Рихтер использовал материалы Государственного банка, но данные банка взяты по Виленской губернии только по 26 сделкам на 19 668 десятин, по Гродненской — по 30 сделкам на 16 234 десятины, по Ковенской — по 139 сделкам на 94 895 десятин и Минской — по 67 сделкам на 20 643 десятин²⁰.

Заголовки таблиц Рихтера местами даны с такими опечатками, что их невозможно понять. Так, в подзаголовке граф 24—26 вместо «надельная» земля написано «удельная». Общий заголовок для граф 10—20 следующий: «Надел крестьян сравнительно пользованию (!) ими земли при крепостном праве». Для граф 10—16 дан подзаголовок: «По уставным грамотам». Графы 11 и 14 озаглавлены одинаково: «Земли десятины». По таким заголовкам нельзя определить, какие сведения содержатся в этих графах. Решить эти загадки помогает вводная статья, из которой мы узнаем, что в графах 11 и 14 приведены данные по тем сделкам, по которым у Рихтера были сведения как о количестве земли, полученной крестьянами (или намеченной для их наделения) по уставным грамотам (графа 11), так и по выкупным актам (графа 14). Графа 17 показывает, на сколько больше десятин земли крестьяне приобрели по выкупным актам по сравнению с тем, что они получали (или должны были получить) по уставным грамотам, а в графе 18 тот же прирост показан в процентах²¹.

Еще более существенным недочетом таблиц Рихтера в ряде мест является несоответствие слагаемых (поездные данные) сумме (количество земли по губернии). Оставляя в стороне несколько случаев, когда расхождения незначительны, остановимся на графах 11 и 14 по Ковенской губернии. В графе 11 итог показан 621 286 десятин, а сумма слагаемых составляет 521 286. В графе 14 итог дан 740 216 десятин, а сумма составляет 640 216 десятин, т. е. расхождение получается на 100 тыс. Какие цифры здесь искажены: поездные или губернский итог?

То, что в обоих случаях разница получается на круглую сумму, заставляет предполагать, что ошибка была допущена в обоих случаях по одному разу, а такая ошибка может быть сделана только в итоге, потому что по уездам число десятин редко когда достигало 100 тыс. Предположение, что ошибка получилась в итоге, подтверждается и другими данными. В графах 3—5, содержащих сведения о всей надельной земле, показано, что в Ковенской губернии крестьяне получили по выкупным актам земли — удобной 725 750 десятин, неудобной 23 528, а

¹⁹ Д. Рихтер. Указ. соч., стр. 584.

²⁰ Там же, стр. 589.

²¹ Там же, стр. 590.

всего 749 278 десятин. Такое количество земли было оформлено 2003 сделками. В то же время в графе 14 показано количество земли, полученной крестьянами по 1609 сделкам (80,4% общего количества сделок), почему и земли в графе 14 должно быть показано меньше, чем в графе 5, содержащей данные о всей выкупной земле.

Если мы примем, что в графе 14 должно быть 740 216 десятин, то окажется, что по 80,4% сделок крестьяне получили земли почти на 15 тыс. десятин больше, чем было удобной по всем сделкам, и только на 1,2% меньше, чем удобной и неудобной вместе. Поэтому кажется всего более вероятным, что просчет был допущен в итоге, почему мы вносим соответственную поправку и ставим по Ковенской губернии в графах 11 и 14 цифры, соответствующие сумме слагаемых, т. е. в графе 11 даем 521 286, а в графе 14—640 217 десятин.

В вводной статье Д. Рихтера ясно сказано, что общее количество земли, полученной крестьянами по всем выкупным сделкам, показано в графах 3—5, а в графах 10—20 только по части (большей) сделок.

Для доказательства, что это именно так, приведем данные из других граф таблиц Рихтера, содержащих сведения о количестве сделок и надельной земли. (Цифры, имеющиеся под заголовками граф, соответствуют нумерации граф в работе Рихтера. См. табл. на стр. 121).

Как видим, в графах 11, 14 приведены данные по 94,4% сделок Виленской губернии, по 92,4%, Гродненской, по 79,0% Ковенской и по 94,4% Минской, охватившие 89,4% надельной земли по Виленской губернии, 87,3% по Гродненской, 85,4% по Ковенской и 81,9% по Минской. В графе 21 количество сделок (по которым имелись более подробные сведения) показано — 8533, а в графе 10—8030, или же в первом случае больше, чем во втором на 503, чему соответствует и большее количество земли (в графе 14 показано 3 456 939, а в графе 28—3 867 947 десятин). В целом сделки, по которым у Рихтера имелись более подробные сведения, составляли 96,5% всех сделок, а количество земли, охваченное ими, равнялось 95,1% общего количества надельной земли. Какие выводы можно сделать исходя из этих данных Рихтера?

Из сопоставления показателей граф 11 и 14 видно, насколько увеличилось количество земли, полученной крестьянами по выкупным актам, по сравнению с тем, что они получали (или должны были получить) по уставным грамотам. Но так как сопоставимые данные у Рихтера приведены не по всем имениям, то говорить с полной определенностью на основании этих таблиц о размерах прирезков нельзя: имения, по которым данных нет, могут несколько изменить картину.

Однако можно ли весь сложный вопрос о борьбе за землю в тот период решать только таким путем? Уставные грамоты показывают (очевидно, не совсем точно) то количество земли, которое имелось у крестьян к моменту издания манифеста 19 февраля, но ведь в последние годы существования крепостного права у этих же крестьян были сделаны очень большие отрезки. Почему при рассмотрении результатов реформы это обстоятельство игнорируется?

П. А. Зайончковский, единственный исследователь, специально занимавшийся природой прирезков, пишет, что «белорусское и литовское крестьянство увеличило свои земельные наделы главным образом за счет тех земель, которые были отрезаны у них в 1857—1861 гг.»²². Но почему в таком случае «увеличило»? Если, скажем, помещик в 1857 или в 1861 г. отобрал у своего крепостного участок с усадьбой, а в 1863 г. тот же участок был крестьянину отдан обратно, то почему это «увеличение», а не «возвращение»? Но в том виде, в каком участки были отобраны, т. е. с постройками, огородами, иногда садами, возвращали, очевидно, немногим. Помещики, забирая у крестьян землю, сейчас

²² П. А. Зайончковский. Указ. соч., стр. 401.

же включали ее в свой севооборот, а самих крестьян (в особенности это касается Литвы) изгоняли из имений, причем селения в большей или меньшей мере разорялись. При таких условиях крестьянин, получая участок обратно, должен был восстанавливать усадьбу, что, естественно, требовало значительных расходов. Еще менее вид прирезков имели те случаи, когда крестьянам, потерявшим землю до 1857 г., давали 3 десятины земли без всяких построек.

Следовательно, взяв то количество земли, которое оставалось у крестьян перед самой отменой крепостного права, и сравнивая его с тем, что они получили по выкупным актам, мы не получим полной картины процессов, происходивших в белорусской и литовской деревне в период подготовки и проведения в жизнь реформы, а вместе с тем останется непонятым и то исключительно напряженное положение при подписании уставных грамот, которое так характерно для Белоруссии и Литвы.

Но в таком случае, за какой год следует взять данные, чтобы установить, как изменилось количество крестьянских земель?

Впервые за всю историю Белоруссии и Литвы подсчет (хотя и не вполне точный) количества земли, находившейся в пользовании крестьян, был произведен в 1845—1847 гг. при составлении обязательных инвентарей. Совершенно ясно, что и Муравьев установил 1846 г., как год, с которого крестьянам должны были возвращать (хотя бы и частично) отобранные у них земли, потому что только на этот год имелись инвентари по всем имениям, в которых было записано, сколько и у какого крестьянина в 1846—1847 гг. имелось земли. Если к этому добавить, что помещики Виленской губернии (а, возможно, и других) по распоряжению губернатора давали подписку не присоединять к фольваркам крестьянских участков²³, то принятие 1846 г. как исходного для определения изменения размеров крестьянского землепользования будет достаточно обоснованным.

По данным Виленского инвентарного комитета, в 1847 г. в 2017 имениях Виленской губернии у крестьян было 564 054 десятины пашни и 155 702 деся-

Губернии	число сделок	Общее количество наделной земли			число сделок, о которых есть данные и по уставным грамотам и по выкупным актам	количество земли, полученной крестьянами по сделкам, о которых есть данные и по уставным грамотам и по выкупным актам	количество сделок, по которым есть более подробные сведения	количество земли по сделкам, о которых есть более подробные сведения									
		удобной	неудобной	всей				наделной, обложенной выкупным платежом	необло-женной выкупным платежом	всей удобной	неудобной	итого наделной					
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
Виленская	2 194	761 485	74 927	836 412	2 071	646 833	14	21	24	25	26	27	28	741 400	74 342	815 742	
Гродненская	1 644	660 339	60 939	721 278	1 519	562 823	629 320	1 612	549 041	96 128	645 169	59 869	705 038	645 169	59 869	705 038	
Ковенская	2 003	725 750	23 528	749 278	1 609	521 286	640 217	1 859	585 705	46 688	632 393	22 561	654 954	632 393	22 561	654 954	
Минская	2 998	1 595 520	163 595	1 759 115	2 831	1 017 235	1 439 673	2 894	1 198 637	335 776	1 534 413	157 800	1 692 213	1 534 413	157 800	1 692 213	
Всего	8 839	3 743 094	322 989	4 066 083	8 030	2 748 177	3 456 939	8 533	3 001 509	551 806	3 553 315	314 572	3 867 947	3 553 315	314 572	3 867 947	

²³ ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 4, д. 62, л. 134 (Отчет виленского губернатора за 1847 г.).

тины сенокоса. В 176 имениях у крестьян пашни и сенокоса вместе было 102 431 десятин; в 276 мелкопоместных хозяйствах у крестьян земли не было совсем. Всего в 2469 имениях губернии у крестьян имелось 822 187 десятин земли²⁴. В Ковенской губернии, по данным инвентарного комитета, у крестьян было 787 928 десятин пашни и сенокоса²⁵. В Гродненской губернии крестьянской земли имелось 689 814 десятин, но эти сведения даны по 1669 имениям из 1840²⁶. Принимая во внимание, что сведений о имениях чаще всего не давали мелкие помещики, не имевшие инвентарей своих имений, можно предполагать, что крестьянская земля этих имений составляла около 5% общей крестьянской земли (сведений не поступило по 9,3% имений). При такой поправке окажется, что у гродненских крестьян находилось около 724 314 десятин земли. В Минской губернии по материалам инвентарного комитета у крестьян имелось 1 384 328 десятин земли²⁷.

При введении инвентарей повинности крестьян определялись в зависимости от размеров и качества участка (в Литве, западной и центральной Белоруссии господствовало подворное землепользование). При таком условии можно было ждать, что помещики покажут крестьянские участки большими, чем они были на самом деле. Но, с другой стороны, помещики опасались, как бы правительство не заставило их закрепить за крестьянами ту землю, которая по инвентарям числилась крестьянской, и поэтому показали в общем верно, хотя уклонения как в одну, так и в другую сторону, конечно, были.

При крайней неточности статистики того времени мы все же имеем некоторую возможность произвести проверку источников, показывающих количество крестьянской земли в конце 40-х годов.

По данным инвентарного комитета, у крестьян Виленской губернии в 1847 г. было около 641 тыс. десятин пашни. Полагая, что некоторое количество земель, показанное в инвентарях как пашня, в действительности представляли собой неудобные земли, можно считать, что на самом деле пашни было несколько меньше. Значит, при господстве трехпольной системы крестьяне Виленской губернии должны были засеивать озимыми примерно 210 тыс. десятин.

По отчетам губернатора, в 1843—1847 гг. помещичьи крестьяне Виленской губернии в среднем засеивали 207 409 четвертей озимого²⁸. В то время на засев одной десятины пашни крестьяне расходовали около одной четверти озимого. Следовательно, исходя из количества расходуемого зерна можно сказать, что крестьяне засеивали озимым около 207 тыс. десятин земли, или же, что в их пользовании находилось примерно 621 тыс. десятин пашни. Как видим, показатели обоих источников почти совпадают и, таким образом, данные инвентарей по Виленской губернии о размерах крестьянской пашни можно считать в общих чертах достоверными, вернее несколько преувеличенными.

В отношении Ковенской губернии отдельных сведений о пашне и сенокосах нет, поэтому делать выводы о точности инвентарных данных в отношении пашни невозможно.

В Гродненской губернии, по данным инвентарного комитета, в 1669 имениях у крестьян было 533 419 десятин пашни. Прибавив 5% на те имения, по которым не поступило сведений, получим, что у крестьян имелось около 560 тыс. десятин, из которых 186 тыс. должны были находиться под озимыми. По отчетам губернатора, в 1843—1847 гг. в

²⁴ ЦГИА Лит. ССР, ф. 394, оп. 8, д. 2624, лл. 35—37.

²⁵ Д. Афанасьев. Ковенская губерния, СПб., 1861, стр. 405.

²⁶ П. Бобровский. Гродненская губерния, ч. I, СПб., 1863, стр. 761.

²⁷ И. Зеленский. Минская губерния, ч. I, СПб., 1864, стр. 79.

²⁸ Н. Н. Улацкий. Обезземеливание крестьян Литвы и Западной Белоруссии накануне отмены крепостного права, стр. 54.

Гродненской губернии крестьяне в среднем высевали озимого 150 190 четвертей, а это значит, что у них было около 450 тыс. десятин пашни. Однако точность показаний отчетов за эти годы можно поставить под сомнение, так как в последующее пятилетие (1848—1852 гг.) средний годовой посев озимого показан в размере 190 406 четвертей, в 1853—1857 гг.—186 478 и в 1858—1860 гг.—190 678 четвертей. Прирост на 40 тыс. четвертей посевов с 1847 по 1852 г. означает прирост на 120 тыс. десятин крестьянского землепользования в течение 5 лет. Это совершенно нереально, и потому данные 1843—1847 гг. можно считать сильно заниженными. А показатели последующих лет соответствуют размерам пашни.

Таким образом, данные инвентарных комитетов в отношении пашни следует признать примерно соответствующими действительности. Что же касается других видов угодий, и в частности пастбищ, то сводки комитетов показывают их размеры несколько уменьшенными. Это отчетливо видно, если сравнить показатели инвентарей со сводками инвентарных комитетов. Происходит это потому, что в сводки инвентарных комитетов, очевидно, была включена не вся земля, находившаяся в пользовании у крестьян.

Накануне отмены крепостного права (как, впрочем, и ранее) в Белоруссии и Литве было четыре вида крестьянского землепользования.

Во-первых, это были земли, которые назывались крестьянскими и в качестве таковых заносились в обязательные инвентари (в разделе, озаглавленном «Наделено для крестьян»). Как правило, в состав крестьянских земель входили усадьбы, пашни и сенокосы. В относительно редких случаях (главным образом в Шавельском уезде Ковенской губернии) в раздел «Наделено для крестьян» вносились и пастбищные участки, и уже в совершенно исключительных случаях в тот же раздел зачислялись леса и неудобные земли. Инвентарные комитеты, подсчитывая количество крестьянских земель, по-видимому, учитывали только те, которые числились в этом разделе.

Но, кроме участков, называемых крестьянскими и составлявших основу крестьянского землепользования, у крепостных имелось значительное количество пастбищ, выделенных для пастьбы только крестьянского скота. Эти участки регистрировались в специальном разделе инвентарей, озаглавленном «Пастьба скота». Таких (выделенных для крестьян) пастбищ всего больше было в Гродненской губернии. Так, в имении Городечно помещика Пусловского (Пружанский уезд Гродненской губернии) крестьяне пасли скот «на особо отведенных пастбищах, пространством в 46 десятин 1380 сажень»²⁹. В имении Микитино помещика Трембицкого (Пружанский уезд) «особых» пастбищ было 716 десятин и 1181 сажень³⁰. В имении Линово помещицы Тушинской (Кобринский уезд Гродненской губернии) для пастьбы крестьянского скота было отведено 1563 десятины³¹. Такие большие участки, конечно, могли отводить только очень богатые помещики, в малых же имениях под пастьбу отводилось по 5, 10, 12 десятин, а иногда и по несколько сот сажень.

Эти пастбища (хотя крестьяне ими пользовались так же, как и основными участками) уже не вносились в инвентари в качестве крестьянской земли и с нее (за крайне редкими исключениями) крестьяне повинностей не несли, а вместе с тем ее не учитывали в качестве крестьянской и инвентарные комитеты. Эти пастбища можно считать вторым видом крестьянского землепользования.

Но во многих имениях крестьяне не имели специально выделенных для них пастбищ и пасли скот по лесам и кустарникам своего помещи-

²⁹ ЦГИА Лит.ССР, ф. 378, 1846, д. 2155, лл. 261.

³⁰ Там же, л. 675.

³¹ Там же, д. 2152, ч. II, л. 813.

ка, по его паровым полям, по покосам после уборки сена и по полям после уборки урожая. Кроме того, пастьба крестьянского скота нередко производилась на особых выгонах, предназначенных для совместной пастьбы крестьянского и помещичьего скота. Так, крестьяне помещицы Тимофеевой (Пружанский уезд) пасли свой скот «на совместном экономическом выгоне»³². У помещика Косополянского пастьба производилась «по господским паровым полям и лесам»³³. В одном случае для крестьян пастбища были выделены эксдивизорским судом³⁴ «для щелой деревни Сосновки, на которых пользуются и крестьяне помещика Жолтовского»³⁵. В очень многих инвентарях этот вопрос обойден молчанием («не объяснено») и в относительно редких случаях сказано, что пастьба производится только по крестьянским угодьям, т. е. на тех участках, которые записаны в инвентарях в качестве крестьянской земли.

Таким образом, у крестьян были или совместные с помещиками выгоны, или же они имели право пастись скот на собственно помещичьих землях и в лесах. Это мы назовем третьим видом крестьянского землепользования. Вполне естественно, что и эти земли в качестве крестьянских никогда комитетами не учитывались.

Последним видом земель, находившихся в пользовании крестьян, были так называемые земли арендные или «сдаваемые на сторону». Это были участки, которые не принадлежали ни к фольварковым землям, ни к крестьянским, а сдавались на срок в аренду шляхте, вольным людям, а также и крестьянам. Таких земель всего больше имелось в Жемайтши, но в общем их было немного.

Из 1316 инвентарей Гродненской губернии³⁶ в 462 числятся пастбища, специально отведенные крестьянам, и показан их размер. В 91 инвентаре сказано, что такие пастбища в имениях были, но размер их не показан. В 158 имениях крестьяне мелкопоместных помещиков вообще не имели земли. Что касается остальных 605 инвентарей, то в них или сказано «не объяснено», или же (довольно редко) говорится, что «особых пастбищ для крестьян нет». Исходя из этих данных, можно считать, что в Гродненской губернии приблизительно в половине имений были специально выделенные для крестьян пастбища, но так как размер их в ряде случаев не показан, то мы учитываем только те, размеры которых известны, имея в виду, что количество пастбищ будет показано несколько уменьшенным.

Из остальных уездов сплошные выборки сделаны только из инвентарей Шавельского уезда³⁷. В этом уезде специально выделенные пастбищные участки встречаются очень редко, но зато гораздо чаще, чем в Гродненской губернии, пастбища здесь вписаны в основные крестьянские земли.

Ввиду того, что в таблицах Рихтера сведения о количестве земли, полученной крестьянами после отмены крепостного права, имеются по уездам, мы имеем возможность сравнить с ними как подсчитанное нами по ряду уездов количество земли, числившееся за крестьянами, так и губернские сводки, сделанные инвентарными комитетами.

Количество десятин земли, числившейся за крестьянами по инвентарям (по сводкам инвентарных комитетов), и количество ее, полученное крестьянами по выкупным актам, видно из следующей таблицы³⁸:

³² ЦГИА Лит.ССР, ф. 378, 1846, д. 2155, л. 1172.

³³ Там же, д. 2155, л. 385.

³⁴ Эксдивизорскими назывались суды, которые в погашение сделанных займов выделяли кредитору часть или все имущество должника.

³⁵ ЦГИА Лит.ССР, ф. 378, 1846, д. 2155, л. 1180.

³⁶ Просмотрены все инвентари уездов Гродненского, Белостокского, Бельского, Волковысского, Пружанского, Сокольского и Кобринского; инвентари Брестского и Слонимского уездов не сохранилось (ЦГИА Лит.ССР, ф. 378, 1846, д. 2148, 2149, 2151—2154, ч. II, д. 2155).

³⁷ ЦГИА Лит.ССР, ф. 378, 1846, д. 2144.

³⁸ Источники указаны выше.

Губерния	Количество земли по инвентарям (удобной и неудобной)	Количество земли, полученной по выкупным актам		
		удобной	неудобной	всей
Виленская	822 187	761 485	74 927	836 412
Гродненская	724 314	660 339	60 939	721 278
Ковенская	787 928	725 750	23 528	749 278
Минская	1 384 328	1 595 520	163 595	1 759 115
Всего	3 718 757	3 743 094	322 989	4 066 083

Уже упоминалось, что при составлении инвентарей помещики показали в общем верно размеры крестьянских земель, но к этому следует добавить, что они нередко записывали в качестве удобной земли бесплодные пески или болота, которых в Белоруссии имеется везде с избытком. Поэтому удобной земли было несколько меньше, чем указано, однако назвать хотя бы ориентировочно процент неудобной из-за отсутствия данных невозможно. Поэтому сравнивать количество земли по инвентарям и по выкупным актам можно только беря по актам не одну удобную, а всю, так как какое-то количество неудобной земли у крестьян имелось и в 1846 г.

При таком сравнении оказывается, что после отмены крепостного права количество земли у крестьян Виленской губернии увеличилось на 1,7%, в Гродненской сократилось на 0,4%, в Ковенской сократилось на 5,1%, в Минской увеличилось на 27,1%.

В тоже время, если взять количество десятин крестьянской земли по уездам, по которым подсчет произведен нами, картина получится следующая³⁹:

Гродненская губерния, уезды	Количество основной земли, числившейся за крестьянами по инвентарям	Количество пастбищной земли	Всей	Количество земли, полученной крестьянами по выкупным актам	Изменение количества крестьянских земель в процентах, приняв данные инвентарей за 100%	
					основной земли	всей (т. е. с пастбищами)
Гродненский	94 758	5 092	99 850	95 174	100,4	95,3
Белостокский	51 340	2 891	54 231	51 183	99,8	94,4
Бельский	40 064	1 238	41 302	38 719	96,8	93,7
Волковысский	86 381	1 179	87 560	75 787	87,7	86,5
Кобринский	125 781	12 597	138 378	119 549	95,0	86,6
Пружанский	77 936	3 703	81 639	82 296	105,6	100,8
Сокольский	11 922	385	12 307	10 483	88,0	85,3
Всего по 7 уездам	488 182	27 085	515 267	473 191	96,9	91,9
Ковенская губерния, Шавельский уезд	156 941	190	157 131	145 314	92,5	92,5

Принимая во внимание, что в тех 7 уездах Гродненской губернии, по которым сделаны выписки из инвентарей, пастбища, специально выделенные крестьянам, имелись еще не менее, чем в 200 имениях, пастбищ, а вместе с тем и вообще крестьянской земли, в этой губернии было несколько больше, чем показано в нашей таблице. Однако помещики

³⁹ Следует оговорить, что приводимые в этой таблице данные имеют предварительный характер, так как нет уверенности, что в нашей сводке и в таблицах Рихтера учтены материалы одних и тех же селений. Вопрос об изменении количества крестьянских земель до и после реформы может быть решен в полном объеме лишь путем сравнения данных обязательных инвентарей, уставных грамот и выкупных актов по одним и тем же селениям.

иногда показывали размеры крестьянских участков большими, чем они были на самом деле. Поэтому можно считать, что недостающие данные о пастбищах, в общем, уточняют размеры крестьянского землепользования.

Сравнивая изменения размеров крестьянских земель по сводкам инвентарных комитетов и по нашим подсчетам и определяя по ним изменения, произошедшие после отмены крепостного права, видим, что по Ковенской губернии, по сводке комитета, количество крестьянской земли сократилось на 5,1%, а по нашим исчислениям (по одному уезду) — 7,4%. Несколько иная картина получается по Гродненской губернии, в которой, по сводкам комитета, сокращение произошло на 0,4%, а по нашим подсчетам (по 7 уездам), на 8,1%, а если не брать пастбищную землю, то на 3,1%. Но ввиду того, что П. Бобровский располагал сведениями не по всем имениям, а наша поправка к его данным имеет характер предположения, то расхождения и здесь, видимо, должны быть очень незначительны. Так как в сводке Виленского инвентарного комитета, всего вероятнее, пастбищные земли не учитывались, можно предполагать, что виленские крестьяне получили земли несколько меньше, чем имели при введении обязательных инвентарей.

Таким образом, исключением остается Минская губерния, где крестьяне получили после реформы земли значительно больше, чем у них было при крепостном праве. Однако здесь следует сделать несколько оговорок. Прежде всего, инвентарный комитет и в Минской губернии, конечно, не учитывал пастбищ (в сущности болот, по которым пасли скот), специально выделенных для крестьян, и, таким образом, занижил количество земли, бывшей в пользовании у крестьян. Затем следует обратить внимание на то, что самые большие прирезки (по Рихтеру) крестьяне получили в тех уездах, где земля была самого низкого качества: в Бобруйском уезде — 52%, в Мозырском — 92% и в Речицком 98%, тогда как в плодородном Новогрудском уезде прирезки составили 13%, а в Минском 17%. Всего в уездах Бобруйском, Мозырском и Речицком (уездах очень больших, но слабо заселенных) крестьяне получили прирезков 224 515 десятин, тогда как в остальных 6 уездах Минской губернии — 197 923 десятины. Какими были прирезки в этих трех уездах можно представить по тому, что по выкупным актам там числилось 94 178 десятин неудобной земли, т. е. песков и болот⁴⁰.

Естественно, что такая земля стоила очень дешево, и потому помещикам был прямой расчет продать ее крестьянам побольше потому, что выкупные цены, несмотря на снижение их на 20%, были все же выше рыночных. Недаром же представители Речицкого и Мозырского уездов (и только они в Минском комитете) при выработке условий отмены крепостного права требовали наделения крестьян землей⁴¹.

В своей статье В. Милованов определяет изменение количества крестьянских земель до и после реформы, исходя из того, сколько крестьяне имели земли при введении обязательных инвентарей («согласно известий инвентарей помещичьих имений 1844—1850 гг.») и сколько за ними числилось в 1877 г. Но, как известно, в Витебской и Могилевской губерниях обязательные инвентари не были введены. Каким образом в таком случае В. Милованов подсчитал количество крестьянской земли по инвентарям? По Минской и Гродненской губерниям данные инвентарных комитетов о крестьянских землях опубликованы (см. выше), но так как В. Милованов не дает ссылки на источники и не указывает количества земли в абсолютных цифрах на конец 40-х годов и на 1877 г., а оперирует лишь процентами, то все его вычисления имеют характер предположений, а не выводов, основанных на проверенных источниках. В

⁴⁰ Д. Рихтер. Указ. соч., стр. 601.

⁴¹ «История Белорусской ССР», т. 1, Минск, 1959, стр. 262.

целом же сокращение крестьянских земель в результате реформы у него показано явно завышенным.

Утверждение, что изъятие земли у крестьян происходило не перед 1861 г., а во время проведения реформы и что после издания циркуляров Муравьева крестьянам возвращали не те земли, которые у них были изъяты до 1861 г., а те, которые были отрезаны при составлении уставных грамот, показывает недостаточное знакомство автора с условиями отмены крепостного права в Белоруссии, и даже с циркулярами Муравьева. Массового изъятия земель по уставным грамотам в Белоруссии не могло произойти потому, что на 1 января 1863 г. уставные грамоты там подписали лишь 18,7% крестьян⁴².

* * *

До сего времени в литературе размеры дореформенного крестьянского землепользования определялись тем количеством земли, которое оставалось у крестьян к моменту издания манифеста 19 февраля 1861 г., а для пореформенного тем, которое было за ними закреплено выкупными актами. При таком сравнении оказывалось, что крестьяне Белоруссии и Литвы получили земли намного больше, чем имели ее при крепостном праве, причем прирост этот распространялся на всех крестьян, хотя в таблицах Рихтера приведены сравнительные данные не по всем имениям.

Это традиционное представление нуждается в пересмотре. В Белоруссии, и особенно в Литве, в последние годы существования крепостного права помещики отобрали у крестьян очень много земли, и поэтому прирост земли у крестьян в результате осуществления циркуляров Муравьева по существу привел не к увеличению количества крестьянских земель за счет помещичьих, а лишь к возвращению крестьянам недавно отображенных у них участков. Следовательно, чтобы определить действительное количество крестьянской земли при крепостном праве и после реформы, следует брать данные не о положении накануне издания манифеста 19 февраля, а за тот период, когда в Белоруссии и Литве вводились обязательные инвентари, т. е. с 1846 г.

⁴² М. Б. Фридман. Отмена крепостного права в Белоруссии, стр. 193.